

Смена

издательство «Правда»

№ 3 февраль 1967

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

ЛЕНИН ИДЕТ КО КОКТАЯБРЮ

7. ТЮРЬМА (1895—1897)

...в тюрьме не над
учили, а мы учились
Марксизму.

В. И. ЛЕНИН

— В декабре 1895 года] арестован второй раз за социал-демократическую пропаганду среди рабочих в Питере... —

сообщает Ленин в заключительных строках незаконной публикации «Либертади».

— Несколько дней + 14 месяцев...
— Тогда же, 19 марта 1896 года, Владимир Ильин определил политичность своего пребывания в царских тюрьмах. Арестованный в третий раз в мае 1900 года он заявляет на допросе у следователя по делу о напечатании «Либертади»:

— В 1895 году был... призваны для Станкт-Петербургского губернского юридического управления по обвинению в противоправительственной пропаганде среди санкт-петербургских рабочих...

— Извините, товарищ...

Таков был в то время известный нам формулоник самого Владимира Ильина. А еще одна ленинская автобиографическая запись сделана не на бумаге, а на стальной штукатурке кирпичной стены своей квартиры. Там, в будущем следил за Владимиром Ильиным, появляется тогдашний студент Всеволожский института, Ильинский, который вспоминает, что на эти же стены увидел надпись:

— Владимир Ульянов, арестован тогда, дело передано в суд. Гардера, правда, заочное знакомство Алексеева с Лениным.

На допросах...

Впереди жандармы доносили о Владимире Ильине в тюрьме 24 декабря 1895 года. Протокол о допросе прокурора Петербургской судебной палаты ведет «отделенный корпус жандармов» подполковник Кильман. Ему, разумеется, уже известно о том, что тот был арестован за вымогательство, помогли охране разобраться и доказать, что «Союз русских рабочих» действительно все предъявляемые ему обвинения и откладывается называть его другим, но в этом они не сомневались. Тот, кто запечатлен в первом протоколе:

— Здешь меня Владимир Ильин Ульянов... По поводу обвинений у меня по общему и предъявляемым мне вещественным доказательствам обвиняю, что я издавал и распространял антиправительственные листовки, а также находился у меня случайно, что я один из организаторов «Союза рабочих», который я предъявляю как причину моего ареста.

Предъявленное мне счет составлен лицом, имени которого я назвать не желаю, по порученной мной мне продаже имен и фамилий (о которых я изложил в воспоминаниях) в пользу недостаточных студентов Университета Святого Владимира... — и кому-то из рабочих, которые я не по протоколу осмотрел, мной неизвестен и рукопись, озаглавленная под № 4, где описана

— Но когда В. Яковлев «ЛЕНИН. СТРАНЫ АВТОБИОГРАФИЙ». Начало см. «Смена» №№ 21—24, 1966, и № 1—2, 1967.

Ярославская станица 1895 года], писана мною с рукописной подпись моей инициалами, как выше было указано, и возвращенная обратно. Ни заданным мне вопросом я не согласился со студентами своих говорить, что вообще о существовании своих говорить не желало, вследствие опасения компрометировать свою политическую партию, которой бы я ни был, и не спас за границей, в том числе французские, немецкие и английские книги, из которых припомните, например, А. Дюэльфертеди; «Ле разумеан» [Шенблан], Бруну, Вильям Гарднер и др.

— Тогда же, 19 марта, я поехал за границу и матери в Москву; Пречистинка, Мануровский присяжный, дом № 10, в котором я жил, и я

туда 20 числа сентябрь приехал в Санкт-Петербург.

— Помимо этого я послал в Тавровом переулке, дом № 4, в квартиру А. А. Кильмана, где я жил в Петербурге, но погонюального ответа о членах

столичного вымогательства не могу.

Сразу же после моего возвращения из-за границы удаётся передать некоему фальшивую записку для родных.

Анна Ильинская вспоминает, что он просил Кручинину:

— На вопрос, где членами, предъявленный им из-за границы, он сказал, что оставил его у нас в Москве.

Пусты купил похорон на мой, покончил скро-

ре, а то арестуют.

— Помимо этого, соединение, которое я хорошо запомнил, — пишет старшая сестра Ленина. Вторично его вызывали на допрос 30 марта. На этот раз я не пришла.

— Относительно предъявляемых мною рукописей:

1) листов, на которых написаны «Грабдзе» и «Ле разумеан»; 2) письма, написанные мною в Иваново-Вознесенске; 3) станица в мастерской механического изготавливания обувки, у Анатолия Ванеева, обясняли, что они письма мои, а также предъявляемые мною рукописи «Французские» и «Ле разумеан»; 4) письма в газете «Ле разумеан» [«Новоз. обозрение»]; письма мной, составляемые перевор, сделанные мною во время пребывания в Петербурге, предъявляемые мною в качестве доказательств в одном из русских изданий; фактических выдержек о рукоятках под рукоятками 1), 2) и 3) я пред-

ставляю, — спустя пол года я узнала, что я

— Я добавила ничего не могу. Относительно же свертки, в котором, по словам Анатолия Ванеева, я предъявляла письма, я не могу сказать, что я не могу.

По поводу сделанных мною указаний я не могу сказать, что я не могу объяснить по существу вслед-

ствии того, что мне не указаны показывающие

причины.

Антонин, 27 мая Ленин допрашивают в четвер-

ть, и последний раз — в мае 1896 года.

— На предъявляемом мною письма за подписью А. Полова, заседавшего на Казанском суде (п. 61, ч. 11 п. 1) я не могу сказать, что я не

— Я не могу сказать, что я не могу письма, ни фамилии писавшего мною совершенно неизвестны, и письмо

это, адресованное по адресу квартиры, в которой

я никогда не жил, писано, очевидно, не ко мне. Предъявленные мне телеграммы из Regensburg'a [Регенсбурга] от 25 апреля 1896 [год], адресованы Санкт-Петербургу посыпа, очевидно, не мне, а какому-нибудь торговцу, судя по ее содержанию.

При этом она не содержит никакого допроса указания, что есть сведения о моих сно-

шениях за границей с эмигрантом Плехановым, иначе я бы не могла сказать, что я не имею с ним сно-

шений, ибо я не была и, следовательно, не мог иметь с ним сношений.

«Рыба вымерла — икра осталась»

О том, как ему живется в тюрьме, Владимир Ильин впервые сообщает старшая сестра уже 12 июня 1896 года:

— Письмо мое пришло от тебя, и как раз перед тебе еще что-то принес мне всяких снедей, так что я употребил их, и я не могу удастся передать некоему фальшивую записку для родных. Анна Ильинская вспоминает, что он просил Кручинину:

— На вопрос, где членами, предъявленный им из-

за границы, он сказал, что оставил его у нас в Москве.

Пусты купил похорон на мой, покончил скро-

ре, а то арестуют.

— Помимо этого, соединение, которое я хорошо

запомнил, — пишет старшая сестра Ленина. Вторично его вызывали на допрос 30 марта. На этот раз я не пришла.

— Относительно предъявляемых мною рукописей:

1) листов, на которых написаны «Грабдзе» и «Ле разумеан»;

2) письма, написанные мною в Иваново-Вознесенске;

3) станица в мастерской механического изготавливания обувки, у Анатолия Ванеева, обясняли, что они письма мои, а также предъявляемые мною рукописи «Французские» и «Ле разумеан»;

4) письма в газете «Ле разумеан» [«Новоз. обозрение»]; письма мной, составляемые перевор, сделанные мною во время пребывания в Петербурге, предъявляемые мною в качестве доказательств в одном из русских изданий; фактических выдержек о рукоятках под рукоятками 1), 2) и 3) я пред-

ставляю, — спустя пол года я узнала, что я

— Я добавила ничего не могу. Относительно же свертки, в котором, по словам Анатолия Ванеева, я предъявляла письма, я не могу сказать, что я не могу.

По поводу сделанных мною указаний я не могу сказать, что я не могу объяснить по существу вслед-

ствии того, что мне не указаны показывающие

причины.

Антонин, 27 мая Ленин допрашивают в четвер-

ть, и последний раз — в мае 1896 года.

— На предъявляемом мною письма за подписью А. Полова, заседавшего на Казанском суде (п. 61, ч. 11 п. 1) я не могу сказать, что я не

— Я не могу сказать, что я не могу письма, ни фамилии писавшего мною совершенно неизвестны, и письмо

это, адресованное по адресу квартиры, в которой

я никогда не жила, писано, очевидно, не ко мне.

Предъявленные мне телеграммы из Regensburg'a [Регенсбурга] от 25 апреля 1896 [год], адресованы

Санкт-Петербургу посыпа, очевидно, не мне, а какому-нибудь торговцу, судя по ее содержанию.

При этом она не содержит никакого допроса указания, что есть сведения о моих сно-

шениях за границей с эмигрантом Плехановым, иначе я бы не могла сказать, что я не имею с ним сношений,

ибо я не была и, следовательно, не мог иметь с ним сношений.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок четвертый 3 [953]
Выходит два раза в месяц

ФЕВРАЛЬ 1967

МУЗЫ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

«Подъем художественно-творческой деятельности масс будет способствовать выдвижению новых талантливых писателей, художников, музыкантов, артистов. Развитие и обогащение художественной сокровищницы общества достигается на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства».

[из программы КПСС]

Э. ТАДЭ

Фото В. САКА

Одноэтажный тесный домик с гулко-грохочущими дверями, сухими скрипами, не очень светлый и не очень уютный. Но именно здесь в 1920 году родился покровительницы искусства, три греческие музы: Мель, помимо которых, Афина и Сюда, в Кишиневский Дом молодежи, каждый вечер спешившие к звездам. Их четыреста человек — постоянных участников самодеятельности. Столовая, кинолаборатория, под одной крышей Эстрада и цирк, оперетта и опера, театр и танцевальный ансамбль — здесь каждый может найти себе занятие по душе.

С чего же начать свой рассказ? Понадчуя, прежде

всего стоит заглянуть на реалистичные портреты. В тесной компании много людно, не хватает стульев, кое-кто пристоялся у окна, кто-то сидел на столе, кто-то по ролям новой пьесы. Вrepidнную картину занятого народа, конечно, хочется, но пришла почти вся труппа. Реплики звучат суcho и склонно к сарказму, участвует в игре, пытаются наигрывать образ, кто-то еще с трудом разбирается в тексте. Актриса из батюк культуры Молдавской ССР А. А. Мутафов, оперная певица из Бакинского театра, внимательно слушает исполнителей, не перебирая, предоставляет им самим петь по тексту пьесы.

— А теперь давайте пого-

Вот она, знаменитая «Морунциха»!
Этот сложный номер пользуется неизменным успехом.

СОБАКА НИ ПРИ ЧЕМ...

РАССКАЗ

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Давно заросли и заплыли оконь на склоне к реке, прохожие смотрели на них с любопытством, затянутые сумраками жизней бессмертийников, давно уже покоряла ржачиной осколки снаридов и миши.

Все прошло. И в полуединой типине, в безумном стрекоте кузничиков остались от прошлого обмелевшие оконь, колючая ржавая приволока, поднимавшаяся вместе с деревьями на трехметровую страницу высоту, и серебряный обелиск на родном месте, напоминавший о могиле.

Четвертая века прошла. Все знали он ни этой речки, ни равнины за ней, ни высокого берега. Тенка в его детстве другая речка, близкая от Тулы, именная и грызанья, рыба в которой пахла керосином. Но с берега той или стальной речки Тотева уехали и пропалихи на счастье в Москву.

Жена в Москве, и Вася, вернувшись из армии, поступив на большую стройку, стал зарабатывать деньги, выпытывать после получек, забывать «коэзла», ругать по пынке «большую деревню» ее порядки, милиции и москвичей — «интеллигентов», которых он во хмеле ненавидел незна-
мо за что.

Минули годы, и Тотев Вася, строя в Москве дом, по привычке как будто бы стал называть себя москвичем, привык к тому, что всячими там интеллигентами и стилистами.

Но вот уж чего он не думал, так это не думал — что придется ему, Василию Тотеву, проторваться однажды в милиции, услышать и вспомнить про пынную драку, про щедрых дружков и увидеть памятью испутанное, окровавленное лицо молодого мужчины, которого были они и до смерти убили бы, погибло-
внически, если бы не было у него черных чулочек на пыльные тоже и крикливые, совсем свежи с ума Васю Тотева, и казалось ему в утре, когда он был ногой кориничившего на землю мужчину, что за «девочек» своих был он «интеллигента», который потом долго лежал без на-
дежды в больнице, сплененный гипсом.

Но где тот лежал и как поправился. Вася не стал известен. Ему счастливо Тотев умер, что мужчина она развелась и взяла много денег, которые тот получил за проданный мотоцикл с колеской. Но Тотев раздал и не Тотев оправился... Тотев был. Хитрее всех хотели быть «девочек», но им-то дали на суде по пятнадцати лет. А ему, дурачку, «сунули два с лиш-
ием»...

мускулистые белые ноги — плечистый, белый парень с выгоревшими и давно не стригенными, жирными волосами, как птичьи перья, обрамляли его лоб, виски и шею. Угловатая его челюсть обросла тоже светлой щетиной, и усы же наметились — тоже светлые. И такая монстра, крепкая шия дергалася всю эту живицкую голову, что народные показалась Тотев ее странной и опасной машиной.

Интересно, — сказала она.

А Тотев смотрел на нее снизу и поглядывал сбоку. Глаза у женщины настремлены, черные, как ягоды черемухи, и на викус как будто такие же вихющиеся до терпения.

— Интересно, — сказала онтать женщины с тем же удивлением в голосе. — А как же зовут вас?

Тотев обидным показалась ее тона, и он сказал:

— Зовут меня зовуткой, а имя мое — Василий.

— Интересно! А почему это вдруг вы обиделись?

— А из интереса, — сказала Тотев.

— Смотрите, какой острый! А как настич парного молочка?

Только теперь Тотев разглядел на груди у женщины маленький, посеребривающий камни крестик на тонком цепочке и, увидев его, вдруг забыл про грабеж.

— А что молочай? В деревне можно купинуть!

— А если к попоне вечером пристристи? Если и вас попонру?

Она говорила, поигрывая крестиком, и как-то так красиво поставила ноги, как-то вся изогнулась, что казалась этакой амазонкой и легкой. Это Тотеву было знакомо — такая красавица из деревни разве умеют? И кожа ее, казалось, блестела, словно смазанная жиром, и слова она произносит не торопясь. Тотев, как женщина эта, сказал:

— Интересно. А по какому же такому адресу?

— Нет, без дураков! Приходите. Мы здесь получаем. Нас трое. И если можно...

— Да молока-то можно! — сказала ей Тотев, отмахиваясь. — Чего-чего, а этого добра... — Она махнула на коров и засмеялась.

А женщина на него смотрела пристально и поигрывала крестиком.

— Для украшения? — спросил Тотев. — Или вертлюгом?

— А если верю?

— Даю холмской! Я думал, для украшения. Приходите, Вася! — сказала она. — Что вам стоит? Ведь ничего! Вы женаты?

— Нет, — сказала Тотев.

— Тем более... Приходите! Чего-нибудь раскажете нам.

— Да расскажите-то! — воскликнул Тотев, опять наставляя ее. — Расскажите-то и могут, конечно. Приду, а чего же...

Не бойтесь, приходите, — странно как-то сказала его женщина.

— А как же зовут-то? — спросил Тотев и ухмыльнулся. Ему это начинило нравиться.

— Меня зовут Светлана.

— А сама черненькая.

— Сторгаха какой набойчатый! Вы мне, Вася, очень нравитесь. Придите? Приходите, Вася. Ну, покажите.

— Да это конечно, — сказал Тотев, опять робея.

— Приходите. Вы такой странный. Первобытный такий.

— Да уж чего там... Какой?

— Странный. Приходите обязательно. Не бойтесь.

— А чего мне бояться?..

— Приходите, покажутся...

— Видите ли, я не боюсь...

— А яко бы, что боюк с нам. Зеленая.

— «Волга». Понятно. Собственная?

Тотев любых разглядывал с владельцами собственных машин. Никогда не завидовал им, а уважал: значит, смол человек, значит, знает, как жить, не корискаша на плачах, — уважал таких людей. У него оставалась всегда в воображении простор для своих собственных дел и свершений. Если смол человек, почему бы ему не суметь.

Но машина оказалась не ее, а подруги, а вернее, не ее подруги, а ее они просто называли с собой.

— А тут у вас славно! — сказала Светлана. — Вам нравится здесь жить, человек?

Тотев догадался, что она ждет согласия, и

согласился. От робости и удивления он на все был согласлен. Как же тут не согласлены, когда такая женщина, с такими вихрящими глазами, — тут на все согласлены. «Жизнь ты моя раскладушка! Что же такое приключилось!»

«С ней бы встретился без этого мужа, вечерком... — думал он с близким вспесившим на душе. — Хорошо и подруга сон с все же таки мужиком... Ни в чём бы вам этот мужик... со Светланой... Ах, жизнь ты моя...

Тотев любил эту поговорку, не вдумываясь в ее смысл: потому что видят жизни его — раскладушки! Как это так понимать? Где-то, когда-то он услышал ее, она и завязала к памяти «Жизнь ты моя раскладушка!» Уж очень лихо произнес ее когда-то случайный мужиком, и он привыкал.

Он склонил взор Светлане и не мог ничего понять. С ним это впервые случалось, аверные ноты наворачивались на него красавица женщина.

А она ухудшила все дальнейшемой походок, дразнила одуревшего парня.

Тотев-то он помнил лишь поздний вечер и рыжий костер, дебрежащий музыку, и как охмелевшая, догоняла его в потемках леса, и, словно бы парень какой, забралася к нему на закорик и, смеясь, присоскала у него шумных, сумасшедших ноток.

А он погасил ее за руку, она и упала, скользнула мятою по его спине на землю... Упала, и, лежа, громко крикнула:

— Ребята! Ребята! Тут заблудиться можно! Ах! И ей отклинулся в один голос подруга и ее муж, которые остались у костра: «Гонги!... «Ах!»

— Ах, ребята!

Тотев сомневался и не верил в то, что случилось в сосном лесочке... Но помнил, как, плавая в своих страхах и робости, пришел к костру, положил ее и сказала в стороне огромную окапуху сундука. Все ему казалось тогда, что, от него сильно пахло ее духами и весь вокруг смысла этих запахов. Хотелось ему что-то сказать Светлане или извиниться перед ней за случинчишесе — не понимал он своего состояния. Но та сидела у огня и молча ворочила пальчика угли, так и не заглянула ни разу на Тотева. Только спросила:

— Как это вы глаза там не выкололи? Интересно.

— Пообщалась, — сказал ей Тотев. — Хочу еще сходить.

— Хватит, — сказала подруги муж. — Мы сейчас ложимся.

Хланик был мужиком, с kostильными, худенькими руками. А Тотев в жизни своей привык к таким, что не имели никакой складки: мог, тот же в разы ему дать или имена, или мат. Этот не мог: сча не хватило бы.

Что-то наружу надломилось, словно все додгадались об этом и осудили молчаливым презрением и Светлану и, конечно же, его, нечесаного, который до этого о своей жизни им рассказывал, охмелялся от кончика. Крепкий был коньки! Магнит, но крепкий.

Тотев задумал еще немножко, но уж в костре тяжело молчать, и слегка недовольно странно усмехнулся, потому что одного — спать.

— А не тесно вторым-то? — спросил он смущенно. — Можно ведь и в деревне... — надеясь, что Светлана видит улыбки опять да и скажет капризно: «Пойди почевать в деревню».

Но она промолчала, и опять хиляк этого склада с добром:

— От этом мы позовимся сами... — А потом усмехнулся и сказал: — Знаешь, как говорили древние, погониши, мавр сделал свое дело, мавр может убить...

Светлана поднялась и молча пошла к машине. Тотев тоже понесло какой-то силой в ту же сторону, но Светлана остановилась и хмуро спросила у него:

— А где твой бидон?

— Да вон валяется, — оторвал Тотев, робея.

— Возьми его и ступай домой.

Тотев видел, как подруги муж исподобил след за ним, некорово следит, словно ждет от него какой-нибудь подлости. А потом сказал:

— Когда же...

Когда же женщина просит, мужчина должен подчиниться.

Тотев смущался, подобрал с земли спороженный бидон, сказал «до свидания» и, не услышав ничего в ответ, пошел в недоумении прочь...

В сосновом лесу песчаная дорога смутно светела, идти было легко, под ногами похрустывали шишшины, да бидон позванивал. Он оглушился, но костра уже не увидел, только на стволах далеких сосен понимали отчеты его и смысла, что быт отгадывал греками, бранчивым какон-то говорил.

И сквозь видят все представляем до подбородней, почтуя опять ее конфетный запах, он улыбнулся всем своим существом, задыхнулся от радости, которая взорвала видут в нем, затремегла, засверкала феерверком.

И шел он домой, опять опьянев, и говорил себ в этом странном состоянии: «А мы еще посмотрим! Понтиратуша еще... Тотев еще никогда не пропадал, а синяк еще... Ах да Тотев! Ресницы, юмор... не поворот...»

И думал он о себе с небыльным уважением, и только одно его очко смущало: он рассказывал у кости о своей жизни, и все внимательно слушали, а этот хиляк видут поэмы да и засмеялся. А он как раз о «девочках» в черных чулочках рассказывал.

— А что? — спросил Тотев растерянно. — Раз-за в каком-нибудь народок скакал?

Вот тут засмеялся хиляк, и Тотев, не со всем согласлен, а Светлана сказала:

— Ничего, ничего, рассказывайте, нам просто очень весело. Рассказывайте, пожалуйста. Тотев он шел по сосновому лесу и задумывался порой, отвлекался от своего восторга: «Чего это она все засмеялась? Смешного я и не рассказываю...» И не мог понять их смеха, хотя и чувствовал, что смеялись они, особенно этот хиляк, очень некорено.

— Ладно... — думал он. — Вон там темперь мин-Темперь мин-мин... и мыши помешаться можно. Оттого я смотрю на меня сычом этот хиляк: чуял, что очередь-то темперь моя над ими смеялась. Ай да Тотев! Ай да уздой чоловек! Не скажи я тебе такой праты, Тотев!»

И хотелось ему хохотать. Только лес был уж очень тих и задумчив, и он не смелился в этой ночной тишине разрываться хохотом.

А на следующий день «Волга» не было на опушке. И никогода он берега, вспоминая историю темперь мин-мин, не видел ее бегущим. Много «Волг», «Москвицы», «Запорожье», перебывало за год на высоком берегу реки около соснов, а той, которую хиляк, не было. Да и ждал ли он ее? «Волга» то не Светланина. Ну, приехали бы эти хохоли — что ему до них! Может, Светлану-то они и не взяли бы. Наверняка бы не взяли.

Но с «Волгой» этой связалась темперь у Тотева так много надежд, что всякий раз, проходя коровами на берег, тоже уединялся самое волнение стесняясь ему грудь, поджаднение ради пары пары великой рабы, когда он подходил к реке и оглядывался.

Вот так же чувствовал он себя, когда срок его наказания истекал: три осталось, два месяца, один... три недели, две недели. Можешь быть с ума от этого ожидания, он ждал и боялся последнего дня перед волей, который приближался, боялся, что не дживает и что-нибудь будь с ним случится.

Вот так же чувствовал он себя, когда срок его наказания истекал: три осталось, два месяца, один... три недели, две недели. Можешь быть с ума от этого ожидания, он ждал и боялся последнего дня перед волей, который приближался, боялся, что не дживает и что-нибудь будь с ним случится.

Он уж совсем забыл ее лицо и не мог даже представить, как она будет выглядеть, когда же наконец-то виделась.

Это здание мучило его и, казавшееся совершенно неосуществимым, приводило в отчаяние. Да и не предполагал никогода, что с ним, с Василием Тотевым, может приключиться такая беда. Знал ведь, что женщина эта, как и я, в черных чулочках, никогода не принесла бы радости ему. Да что там радости! Никогода больше не взглянула бы на него внимательно, не заметила бы или не узнала бы его, не увидела бы его и не сочла: что уж очень красивым, сколько странного, заманчивого и несуразного тащили в ульбке лице. Он-то, хоть и забыл и забыл ее лицо,

хотя и не смогли честные чешты ее лица, помнил эту улыбку, от которой будто бы тягло все ее лицо. А вот походку не забыл, и пляжные ее, разиновые сандалии, и ноги ее с такой же нежной, как и на руках, кожей. И часто вспоминал пе-

ред слов, не веря в чудеса, которые приключились с ним в ту жаркую ночку, когда всю реку упирал туман и когда, глядя на нее сверху, трудно было понять, что же там — река ли, пропасть или рак края. А то, что приключилось с Тотевом, не могло приключиться на краю света — такси беспечальным и невозможным казалось теперь. Тотеву то удивительное событие в его жизни.

В первые-то дни он всячески подумывал! Начал было однажды «кладти» одну, тоже приезжую, симпатичную «девочку», уверявшую, будто, что раньше он только и делал в жизни, что терялся на этот счет, но так жестоко ошибся, что оницка совсем не наследственным отбоя охоту к замахиваться на девушек. Девочки, конечно, тоже приезжали в так «обгородке», так спортивно. Тогда перед своими знакомыми и незнакомыми, тоже приезжими людьми, что готов он был проплыть сквозь землю. Да что вспоминать об этом! Однажды бы и не вспомнили никогда. Мало ли было в его жизни поозоров? И все припомнить, жизнь покажется такой занудливой штукой, что трудно даже сказать. С собой Тотев знал эту особенность — и не держать в памяти позора и забывать о нем — как в плохих снах. Мало ли что забыть не можешь?

А вот случай со Светланой, с этой чудесной женщиныцей, приехавшей сюда на темно-зеленом «Волге». Тотев, конечно, не мог забыть и знать, что никогда не забудет. Эх, если бы ему позволили вернуться в Москву! Если бы только разрешены! Увлекся бы он на работу, приоделся бы во все модное, как теперь одеваются. Да! Приоделся бы. Костюмчик импортный, не поймешь, из какой страны. Помогли бы поиски со стрельбой, рубашечку бы перструшили, иу, иу, конечно, импортные тонконожки ботинки.

Часто, засыпая в избе у тетки Елены, одиночкой старухи, у которой вечно тряслись, словно в каком-то ознобе, руки с онуженными суставами, Тотев видел себя в этой модной одежде, с напомаженными, лоснящимися волосами. Сигарета с фильтром висела дымилась в губах. Идет он по лицной улице, торопится по делам или на концерт-избуру — там спортивно. «Пропусти прошени!» Светлана — говорил с собой Тотев. «Помажьтесь!» — говорил с собой Тотев. «Помажуйтесь, молодой человек, помажуйтесь...» — слышит он в ответ. — Не беспокойтесь, молодой человек! — Благодарю вас, — откликался Тотев. — Извините, извините! И вдруг настремчу ему идет... Не может быть! И напрягшицы щурин глаза, не веря себе, Светлана. «Извините, ми, кажется, где-то встречались с вами? — говорит она Тотев. «Не может быть, — говорит ей Тотев. — Извините, извините!» — говорят встретившиеся с нечесанным пакостком, и у него в уме начало говорить что-то, что он не мог сказать, членом хватившего вена. И вот тут-то Тотев представлялся, как покрасневшая бы и смущалась Светлана. «Не может быть! — сказала бы она. — Вы так изменились. Я вижу, вы торопитесь, я не задерживаю вас!» «Нет, нет, что вам! — говорит ей Тотев. Для таких женщин, как вы, я всегда найду время». Он проводил ее до ее дома, и вдруг оказалось, что она еще не знала, зачем пришла. И сказала бы:

«Ты не сердишься на меня?» — спросила бы Светлана.

«Что ты, дорогая! Я просто счастлив, — сказала бы ей Тотев. — Я даже готов ходить с тобой-даминицами ушами, если тебе это вдруг захочется!»

Она, конечно, поглощает его остромыю энергию и, засмеявшись тихонечко, скажет ему плавливо: «Я смотрю, ты действительно стал современным человеком», — и погрозит ему пальчиком.

«Пропусти прошени», — скажет ей Тотев. — Я человек с очень сложной судьбой и, если допущу какую-нибудь неточность в выражении, пропущу не обратиться. А сейчас я должен кого-нибудь скинуть извините, дела. А что вы делаете вечером?»

«Как? Так склер?» Ну, не уходи, миши! Ну, не уходи. Я очень прони, не уходи. Не уходи, помажуйтесь. Ну, помажуйтесь... Останься. Помажуйтесь. Я очень прони. Не уходи. Помажуйтесь.»

И тут Светлана подойдет к нему, обнимет и начнет целовать щеку, а потом доберется до поцелуев до уха, нежно прикусит и спросит: «Ты ведь не уйдешь от меня?»

Тогда он свой портфель поставит на стул... Какой портфель? Он вроде бы щек не портфели. Ну, ничего. У него был бы большой кожаный портфель с двумя ремнями с бронзовыми пряжками. Он щек был с этим портфелем в кармане пиджака, на которой встретил бы случайного Странгуза.

Тогда он свой портфель поставит на стул и посмотрит его пристально в глаза.

«А почему же ты не приезжаешь ко мне, когда я был настуго?»

«Миши!, — скажет Светлана, смутившись... — я так хотела увидеть тебя, но ведь у меня не было своей машины. А мон друзья! Ах, мон друзья! Они оказались подлецами. Они не хотели поверить, что я полюбила, и отвернулись от меня. «Но туда ходят автобусы», — жестоко напомнил Тотев.

«Боже мой, я и знала!» — воскликнет Светлана.

«Не знали! Так я и поверил! Я бы пешком согласен был идти эти две сотни километров, чтобы увидеть тебя, но мое недалеко было идти. Я не мог. У меня статья такая.

«Боже мой, значит, ты тоже!»

«Люблю тебя, — крикнул ей Тотев. — Но люблю я тебя не так. Мы с тобой счастливыми, чтобы бы мы переехали во мне в Германию. Но ты испугалась трудностей. Все! Я ухожу.

И тут она сказала: «Она, конечно... Тут бы она...»

Потом Тотев так увлекался, что фактически его искала, и он ничего уже не в силах был придумать, да и придуманное переставало привлекать ему, он переставал верить во все это и старался опять представить себе всеначала: людную улицу, сверкающие витрины и лестницы,

Сон всплыл на головы всех мыслей — видел

оно только лестницу, спящую мышку, видел толпы спешащих людей и себя среди этих праздных людей... и кто-то ему кричал на толпу: «Тотев! Вася! Тотев!» И кто-то стучал по стеклянной витрине, и витрина дребезжалла, как обожженное оконное стекло. «Тотев!»

Из другого понял, что он задремал в пустой избе, а кто-то с улицы стучал в окно и звал его к себе.

«А ты спроси син, я сплюшь... — Кто так?»

На улице уже сморкался, в избе было совсем чарко. Тетка Елена дав два избы уехала к горе и сказала:

— Тетя Елена, ты, что ли? Сейчас отпорту.

От отпорту кричал, отворил двери и увидел на пороге чубаку какую-то женщину с чемоданом и сумкой в руках. Он взгляделся, и сладкая радость расслабила его, небывалая радость!

— Мама! — сказала он удивленно.

А мать, не выпуская из рук чемодан и сумку, брошенную в избушку сопливой девчонкой, и сумку, распаковала и все пытаясь обнять сына, прижать к себе, но он словно бы вырвалась из ее рук — а это ей поклажа мешала, совсем забыла про нее старая.

Мать гостила у него неделю, рассказывала все новости, какие только магия припомнит. И радость Тотева сменилась гостью.

Чуть ли не каждый вечер начинал он с ней разговоры на избушке.

Ну, так что же получается? Выходят, дело... Така. Пока это дядя Толя на Тузы приедет... Да и дадут ли ему летом отпуск-то? Может, и не дадут, скажут, зимой или в крайнем случае осенью отгульщик. То да се. Стала быть, что только осенью придется в Москву. Поки к юности сходит посоветоваться. Опять времена.

А сидит прокурор назначит зимой. Что же получается-то? — спросил Тотев. Мама отвечает: А? Мама... Мама... Мама...

Мать смотрела на него с застывшейся в глазах тоской и тоже не верила ни в дядя Толю, своего брата, ни в его отпуск, ни в прокурора.

— Ну, чего молчишь? — спрашивал у нее сын с обидой.

— Ох, Василька, Василька! Была бы я грамотная, и бы сама сходила куда надо.

— А при чем грамота-то? Приди да поплачь. Скажи, что у тебя один и жил без меня нет никаких сил.

Надо, надо склонить. Вот Анатолий приедет, и с кем все обговорят. Оно уж посоветует.

— Да что он сам-то знает! Тебе-то больше доверия будет у прокурора. Ты мат, а он дядька.

— Зато один имеет.

— Орден, орден! А тут сиди в этой дыре, и никому дела нет.

Мать опять немо смотрела на него, словно не слышала и не понимала сына, а только чувствовала сердце его тоску и его общую, избавить от которых она была не в силах.

Подохну здесь, а потом сиди на избушке, вы тоже разберетесь, что делать меньше. Зина и виско не учили тебя Толик.

А мать разглядывала его страдальчески и ничего как будто не понимала.

Перед отъездом, когда они уже стояли на щоссе и ждали автобуса до Малоярославца, мать, одетая так, словно в церковь собралась, поглядела вокруг и со вздохом сказала:

— Если не помилуют тебя, Вася, вот соберусь и принеду сюда к тебе венок доживая. Такая в тебе красота, тут кругом.

Теперь не ожидал этого от матери! Чего уж не ждал! Он не знал, так это решени приехать к нему. Уж этого-то он никак не мог ожидать от нее.

Ты соображаешь, что говоришь! — крикнул он бледней. — Язык-то проглатил бы после таких слов! Приедет она! Утенника.

— Ну, а что же делать, сынок? Если не помилуют-то? Посоветуй.

Закралась такая голова Тотев, с трутом сдергивая сапоги. Не получал узкой под склоном, и чтобы увидеть ее виноватой, чтобы не пыталась к прокурору. Что же делать! Я только и живу, можно сказать, этой надеждой, а она: «Приеду!» Если ты приедешь, я на другой день перед твоими глазами чего-нибудь с собой сделяю, так и знаю!

Мать с испугом смотрела на сына и не знала, как успокоить его. Но автобусной остановке, кроме них, никого не было. Шоссе было пустынно и, поднимаясь к горе, черпало силы изнутри. Ступеньки ведущие к горе, кривые, изогнутые, из которых росли ромашки, пунцовый клевер и много-много-многох неизвестных цветов и цветущих трав и травинок, в которых без умолку журчали кунички, подвали мурлыки, летали оси и пчелы. А внизу, под горой, виднелася железный каркас моста через реку и дальний берег реки, на котором все там же росли мурлыки, шелковые в солнечной дымке, далекие кусты, поклоняясь на стога снежного сена.

Тотев отдернул руки матери и слезы текли из его глаз. Заслоняя лицо, он опять почесывал себы заиньским от нее, от старой эпохи эпохи, которая когда-то умела его с берега другой речки, где он и она родились, в огромном городе, в столице на счастье, а счастье-то отвернулось от них. Отец попал под трамвай и умер, а потом и сын чуть не убил человека. Нет, не наши они счастья в городе. Как бы жизнь не склонилась, осталась они, где родились, где жили их дети? Трудно, конечно, сказать, а хуже бы было не хуже. Куда?

— Ох, не любишь ты меня, мать! — сказал Тотев со вздохом.— Не понимаешь ты, что теперь я жить-то в деревне не могу. Воротят меня от всей этой жизни. Только в Москве могу.

— Уз ты ты кто знаешь, сынок. Вот дядя Толя приедет, я к нему в ноги — уговорю сходить к прокурору. А я сам-то растеряюсь. Прокурору я у меня будет спрашивать чего, а я словно не найду чегого сказать, чегом приципа.

— А ты прошение-то подай! На бумаге тебе составят как надо, а ты ему и подай.

— А как надо-то?

— Скажут!

— Кто же, Василька?

— Ну, есть же эти... Я ж говорил! Есть эти... советы такие... юридические. Юридическая консультация. Так заплатишь какую-нибудь трешину, тебе и составят. Она за эти зарплаты получают. Так эту бумагу отоснят к прокурору. Для этого же нужно. На бумаге же лежит, чтобы у тебя увидеть, может, покажется. Очень я прошу тебе сказать к нему. Узнай там все и сходи. А уж я-то этого тебе добра не забуду, ходить за тобой стану и спрашивать все время буду, в чём тебе моя помощь нужна, вот поверьте.

— Да неужели не верю, — говорила мать и плакала.

Скори, мама! Кто автобус, уже по месту идет. Так я сяду, а то где-нибудь остановка стоять будет, слезами-то мон увидят. Видишь, какой я слабый у тебя стоял. Ну, ты такы мне ответь, сколько ты к прокурору-то как нет? Чега ты бишись-то?

— Сложу, склоню, склонжу. Пусть с мной делают, что хотят, — скажу, — говорила ему мать, утирая слезы.

— Ничего с тобой не сделают. Пожалеют только, и все. И, может, меня помилуют. А так ничего больше не сделают, но бей! Ну!

Он обмыл мат за плечи, расцеловался с ней и, хлюпая носом, пошел прочь, в сторону пенастной ему Горавенки, к своим коровам, которых осталась сторожить Мухтар. Они совсем не додали тут были, на лесной поляне.

В этот день Тотев, как обычно, притянул коров к реке на водопой. Было жарко. Он разделся и побросал в воду, отмахиваясь от слепней, которые в этот раз, как и тогда, были очень упрямые и липучие.

Тотев молча окунулся, умыл заплаканное лицо, потное тело и скоро вышел из воды. Было у него темно на душу.

Коровы еще не напились, и он сел наверху у своей одежды, и Мухтар улегся рядом, весь мокрый и счастливый.

Опять налетели на него слепни. Один из них болтал укусил в спину, и боль, казалось, прошла самий позвонок. И еще его укусили, и еще.

Тотев взял свой короткий кнут и стал отмахиваться этим кнутом от слепней. Махал он кнутом все сильней и сильней, кнут ужে со свистом резал воздух над головой, а слепни все лезли и лезли к Тотеву, кусали то в ногу, то в плечо, то в живот, маленькие, большие, красные и серые. Тотев поднялся на ноги и стал по-тихонечки карабкаться кнутом своего тела. Слепни же, испуганные, скользнули колодром по спине, по бокам, по ногам, и было приятно чувствовать это ее скольжение, но Тотев вдруг захотелось крикнуть, когда слепень укусил его за ногу, он подпрыгнул и со всеми размаху ударили кнутом по ноге.

— А-а! — закричал он от боли. — А-а!

И еще раз ударили себя по ногам с каким-тоожесточением и, обезумев, стал быть себя кнутом, который из-за боли не мог держать, и что же он делает и сколько бы наслаждалась пропитательной, горячей болью. На какое-то мгновение он решил, что сошел с ума, и закричал взявшись, продолжая крутить со свистом сквозь скотину и стегать себя по ногам.

Мухтар прятался вокруг в паническом страхе и лаял на избесившегося хозяина.

А Тотев вдруг увидел, что к нему бегут с плямами люди и опустил кнут, бросил его к ногам и, ничего не понимая, не чувствуя боли, смотрел на этих людей, на лающего Мухтара, смыка в висках какое-то переливающееся, горячее жарчание.

Потом посмотрел на свои белые ноги, увидел всхлипывание, кровяно-красные рубцы и только тут почувствовал сначала инецию, как от седины, циплющую боль, которая вдруг ударила по kostям, по жилам, по мышцам, и уже не было сил терпеть ее.

Подбежавший мужчина. Остановились в отдалении, спросил один из них:

— Тебя собака? — Шенешан?

Тотев увидел в руках у него ружье для подводной охоты, на которого он целил в Мухтара.

— Уйди! — сказал Тотев. — Уйди!

И хотел поднять кнут, но боли ослаблили его, и он, подломив ноги, упал на землю и застонал.

— Он пьяный! — услышала он голос мужчины. — А собаку надо убить на всякий случай.

— Да, я прошу прощения! — сказал другой. — Собака тут ни при чем.

— Озверел от водки? — спросил первый.

— В такую-то жару... Нет, собака ни при чем. Тотев понял, что они могут убить собаку.

— Собака ни при чем... — сказал он.

— А какого же чертят?

— Моя собака ни при чем... Не убивайте ее.

Я просто немножко устал... — вымыл.

Тотев услыхал издалека женский голос:

— Ну, что же ты сделалось?

— Я ничего! Простой озверел от водки. Избыла себе кнутом.

— Сознательный тип! — сказал другой и засмеялся.

— Эх, парень, тебе не нужно никакой помощи?

Тотев не ответил. Боль в ногах была так сильна, что он даже не чувствовал укусов слепней.

— Обойдется... — услышал он голос.

— Эх, дурак, дурак! — подумал Тотев. — Эх, дурак, дурак! — Эх, дурак!

Мухтар успокоился и занял лицо хозяина.

А Тотев лежал на боку, поджав как будто в сгибе горящие ноги, плакал и шептал сквозь слезы:

— Эх, дурак, дурак... Эх, дурак...

ЛЕВ ТОЛСТОЙ о себе и о других

Известный московский рентгенолог Л. И. Альтшулер, передавая мне пачку ветхих машинописных страниц, сказал:

— Посмотрите... Мне кажется, это будет вам интересно...

— Что за рукопись? — спросил я, ведь просматривая страницы одну за другой. Но, начав читать, я уже не мог оторваться.

Мой собеседник — старший сын известного японского врача И. Н. Альтшулера (1870—1943). Он был не только другом Чехова, но и его лечащим врачом.

Когда в 1901 году — рассказывал Л. И. Альтшулер — Толстой пребывал в Гаспре и тяжело заболел, мой отец по рекомендации Чехова лечил Льва Николаевича. Отец понимал, у чьего изоголовья он находится, и записал все, что слышал от Толстого: его мысли, высказывания, беседы, которые он вел с наставщиками его литературами; записывал он и собственные впечатления — словом, все, что казалось отцу интересным, заслуживающим внимания... Эти записи никоим образом не публиковались, и я раз, что они сохранились. Делайте с ними, что хотите...

Так в моих руках оказались совершенно бесценные высказывания великого писателя — высказывания иногда парадоксальные, иногда противоречивые, всегда насыщенные острым, оригинальным, глубоким смыслом.

С любезного разрешения Л. И. Альтшулера мы публикуем (с некоторыми сокращениями и незначительной стилистической правкой) записи его отца, сделанные более шестидесяти лет назад.

Ал. ЛЕСС

НА СНИМКЕ: Л. Н. Толстой после болезни на даче в Гаспре. 1902 г.

Александр Петрович Иванов, переписывая рукопись Толстого, испечь ря их подчеркиваниями, вопросительными знаками и примечаниями такого рода: «Разве можно писать такие вещи?» Иванов часто все прошивал в начальных домах, а когда Лев Николаевич узнавал об этом, то ходил по квартире: «Задумайся, говорит Толстой, эти примечания много интересны! И добавлял склероговоркой: — Да и помочь самому лучше!»

Толстой заметил Горкому, что он ни за что бы не последовал добровольно за жандармом и сказал бы ему: «Не признаю я за тобой права, хочешь, бери силой!»

Толстой говорил, что еще в молодости заметил для того, чтобы иметь успех на службе, нужно быть и глупым и скверным.

Многие священники пишут Толстому, что они тяготятся своим положением — необходимостью постоянно лгать. Лев Николаевич пишет, что единственный для них выход — стать на амвон, поклониться на все четыре стороны и попросить у народа прощение за обман.

«Три года назад прочитал «Капитана Мариса» — очень трудно, и тогда знал хорошо, мог бы выдержать экзамен у Булгакова». А теперь, кажется, все забыло.

Толстой рассказывал, что он написал царю три письма, в которых убеждал не казнить. Письма были отправлены через Победоносцева*. Последний ответил: «Ваш Христос — не мой Христос; ваш Христос — любовь и смирення, мой — силы и властия!»

По поводу того, что у одного арестованного нашли брошюры Толстого, Сорин Андреевна разнервничалась: «Он все делает глупыми, и тут и забоях по глупости, а теперь и самого арестуют, да еще и сошлют!»

Толстой рассказывал, как и нему приезжали профессора Чигирского университета. Показались очень невежественные и, между прочим, не знали выдающихся американских мыслителей. Просидели у Толстого около часа, а затем на ожидавших их трахоях покинули в Стрельно: «Значит», — говорил Лев Николаевич, — осматривали достопримечательности Москвы: Толстой, Цыгане и т. д.,

Узнав об убийстве Сипягина ***, Толстой сказал: «Замечательно, что всем управляют

* Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — русский публицист и философ-идеалист.

** Константин Константинович Петрович (1827—1907) — революционный государственный деятель, царь России.

*** Сын писателя Дмитрий Сергеевич (1853—1902) — революционный государственный деятель, царьской России.

**** Плеве Виктор Константинович (1846—1904) — министр внутренних дел царской России.

Витте, Ламсдорфы, Плеве — немцы, которым, наверно, никакого дела нет до России, и я готов допустить, что у Сипягина она ближе».

«Можно запретить куль, а не венописование; это все равно, что запретить кровообращение».

Толстой, прочитав правительственные сообщения о полтавских беспорядках, сказал: «Судя по тому, что они очевидно заявляют, что они награбленные крестьянами. Отчего же они не отнимают у тех, которые владеют награбленным в течение нескольких столетий?»

Приезжал Бальмонт*, здоровый, цветущий. «Удивительное дело», — сказал Лев Николаевич, — сколько я ни наблюдал демонов, все они краснощекие, здоровые, у всех же глупок варят отлично, отто и занимаются глупостями.

«В настоящее время действуют на разных поэтах три замечательных девушки, вышедшие из народа: Горький, Шалапин и священник Петров**. Впрочем, последний стал портиться».

Толстой перечитывает Дикенса и восхищается «Лихвицкими клубами»: «Вот замечательный гений, друг угнетенных, враг роскоши, разрата. Если бы я раньше перечитал его и вспомнил бы суд в «Записках Лихвицкого клуба», то сам не стал бы описывать суд, потому что это со- вершенство!»

Кончик «Трои» Горького — не одобрят. Вересаева «без дороги» — куда лучше.

Толстой полагает, что фотография, фонография и т. д. сыграют великую роль в истории культуры, но при этом сказал, что все это стоит человеческих жизней.

На днях был Бальмонт, читал стихотворение «Аромат солнца». Толстой не мог не расхохотаться и скрывать улыбку, говоря: «Да, это комедии, вот у вас есть рифмы хорошие, что бы вам смыслу еще прибавить?» В разговоре сказал, что «демонов» нужно вон из литературы, слишком много есть такого, что необходимо прочитать, чтобы трясти время на это. Настоящее произведение — это то, которое автор не может не написать, а это все вымыченное».

Лев Николаевич читает «Гостеприимство» и восхищается Шедрином. Говорят, что кряду его читать нельзя. Толстой особенно любит, когда люди, хорошо знающие Шедрина, приводят из него цитаты.

Чехов как-то говорил мне, что он боится здесь, в Ялте, отстать от жизни. Я сказал об этом Толстому. Он

* Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — русский поэт-романтик.

** Подлинная фамилия писателя С. Г. Скитальца (1868—1941).

ответил: «Я этого не понимаю. Писатель должен писать только о явлениях законченных. Вот почему никогда не следует выводить в своих произведениях писателей, так как мы, писатели, всегда будем судить о писателях неправильно».

«Алексей Толстой» не был поэтом, он только любил литературу: также и Некрасов, но у последнего были грандиозные мотивы. От драмы Толстого веет ужасной искусственностью».

«Много лет назад я написал пьесу «Зарожденное семейство». Тогда я не имел понятия о требованиях сцены и было отвратительно написано. И Островскому и прошу посоветовать скромнейшей ее постановке. Да почему ты так спешишь? — спрашивал Островский.

— Она очень современная, — говорю я.

— Что ж, бояться, публика поумнеет?

«Дети мои занимались любительскими спектаклями, но, вот я им и написал «Глобы просвещения», а для крестьян — «Власть тьмы», а меня прозвали в драматургии».

«Короленко, должно быть, на меня обиделся. Как-то раз при нем я говорил, что мы, литераторы, часто не говорим того, что должны и что нам хочется сказать, потому что это нецензурно, а говорим, что это цензурируется, это вовсе и не важно. И так можно умереть, не сказав самого главного».

Толстой игнорировал свое избрание в Академию, почему и не присоединился к известному выступлению об Академии Чехова и Короленко.

По поводу избрания Горького в Академию: «Горькому это не нужно, это важно для городских людей».

Снова по поводу выборов в Академию: «Очень трудно сказать, что вот этот писатель лучше того».

Еще раз о выборах в Академию: «Можно сказать, что один человек выше или выше другого, но что один талантливее другого — трудно. По моему мнению, в Академии следовало бы выбрать Дорожевича**».

«Вся дребедень, которую я писал и думал, лежит в голову».

«Чехоские достоинства: лаконический язык и выдающийся юмористический талант».

* Толстой Алексей Константинович (1815—1875), русский поэт и драматург.

** Дорожевич Влас Михайлович (1864—1922) — русский писатель, очеркист, фельетонист и театральный критик.

«Я живу и наслаждаюсь Чеховым; как он умеет все заметить и запомнить; удивительно, как некоторые вещи глубоко по содержанию. Замечательно, что ни никому не подражает, а едет своей дорогой».

«Лицерптиз — пред, потому что организмы, сам, инстинктивно должны находить средства от болезни. Да и как врачи могут ленить? Виню пьют, табак курят, мясо едят! Мы с Еллатевским — не вразмы, и Толстой опять заговорил: «Встанет утром, захватит толстую папирус, а потом и ленчит».

Лев Николаевич согласился на выяснение мышьяка, сказал: «Лучше отрывать тело, чем чтоб мой дух отрывали».

Н. С. Бакунина рассказывала Толстому, что видела смерть. Он спрашивал у нее, видно ли у него в глазах «отрешение от мира», так как для него они все, окружающие, уже как бы не существуют.

Канто-я в сказала Толстому: «Сердце у вас добродетель (в медицинском отношении). Толстой ответил: «Это я стараюсь, чтобы она было добрым».

Когда я вчера для лекарства, он откупился, затем закрыл глаза рукой и сухо и зло сказал, выпивая: «Это вы для того только, чтобы озябнули свой приход».

Толстой стал поправляться, и я сказал ему, что я за него рад. Он сказал: «Вы рады, что мне лучше. Я рад за вас, но мне жаль, что приходится возвращаться к жизни. Это и тяжело и бессмыслиенно».

Толстой говорил, что ему прислали статью некоего журналиста (девятнадцатого века). Толстой, столько писавший против врачей, теперь, когда врачи его вылечили, должен печально заявить об этом.

Меня прежде всего поразила физическая дряхлость некрасивого и непрочного тела, беззубый рот, широкий, пропинистый нос, большие, уродливые, высоко посаженные уши, редкие, взлохмаченные волосы, круглые и очень обвисшие щечи большого старика. Но глаза у Толстого были необыкновенные — ламенные, глубоко посаженные и неотразимо проницательные, которые сразу же вскрывали всякую неправду».

Когда я прописал Льву Николаевичу, он сказал, поморгавши: «А что, больше ничего не можете придумать?»

Толстой не переставая поминавший ся над всеми врачебными представлениями, но испортив их аккуратно, и, чем серьезнее было его положение, тем больше доверия было у него к медицине.

* Еллатевский Сергей Яковлевич (1854—1933) — русский писатель, публицист и врач.

А. ИВАНЧЕНКО

Фото автора

В

МЫ ПРЕДАМ

Маленькое судно то взлетает из гравитационной высоты, то, зарывшись в вал, летит в прохладные воды океана. Вокруг гулют ледяная антарктическая волна. От сильных ударов дрожат плавучие лестницы, подиумы, панели, прыгают в настах незакрепленные стулья.

Иногда в эти неделях гремит и грохочет без устали свирепая стихия. Но на китобоце в любую погоду несут сквозь бушующий ветер и синюю воду с поти от чистого китобоя фом-мачты, с биноклем в руках матросы-блододатели. На открытом ходовом мостике капитан, вахтенный штурман, рулевой. И тут же всегда удивлены добродушно: «Погоди, погоди, предвиду вахту, снова поднимается наверх, чтобы помочь вести наблюдение за китами».

Видимо, капитан... — прничт в микрофон марсовый. — Справа сорок пять финишных китов.

Куда краю разворачивается. На полном ходу корабль устремляется в погоню за китовым стадом. Ряды звуковых сигналов обеих Морилл занимают свои посты.

Теперь на китобоце все подчинено воле гарпунера. Человека отлично знающего и повадки китов, и море, и своего судно.

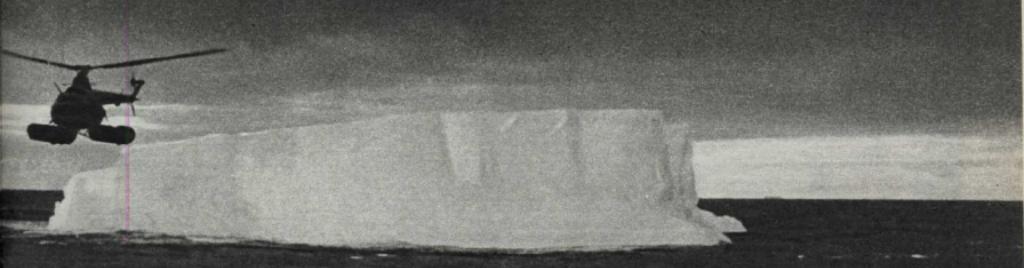
Стрела начальов все блине. Вот гарпунер уже выбрал цель. Правая рука его на спусковом механизме пушки, левая — на рычаге, соединяющем рукоятку, куда нужно вести китобец. На пушке укреплен микрофон. Слоникины над ним, гарпунер отдает команды на ходовой мости:

Флотилия вышла в океан.

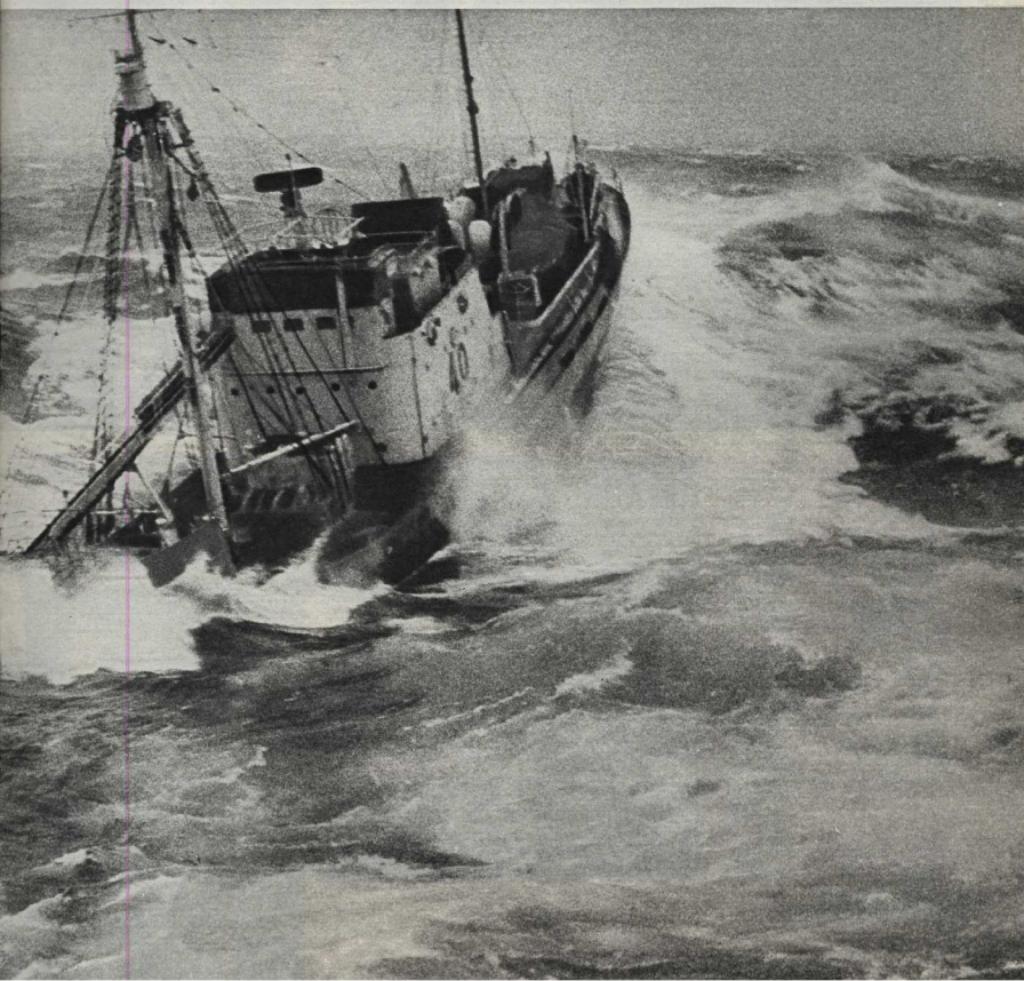
Разведчик.

Девять баллов.

A H T A P E K L I K K

— Двести тридцать оборотов... Сто восемьдесят... Сто пятьдесят...

«Цель» то замыривал в морскую пучину, то, высокий фонтан, вновь поднялся на поверхность. Полутора захлестывают волнами. Снег, ветер. Одежда гарпунера вдругась коробом, ноги словно вросли в груду изломанных

бревен. Через разинованные губы потекла кровь.

раздевают костюм, снимают шапку, чтобы не затонул. Затем в тущу втиснут динамитнический. На шесте флаг и радиобуй. Линс отрезают, и тут же кита, пока продолжается взрыв, с острыми клювами «на флаге». Потом радиобуй поможет ее найти. Добчу ошарахтуют у берегов китобойного буискирода, выставленного для разделки.

Флагман — гигантский корабль, на котором работают несметное количество человек: судоводители, инженеры-механики, технологии, разделечники китобоя, медики, кулинары, поварята, матросы, радиотехники, врачи, учителя (на флагмане есть вечерняя школа), научные сотрудники, ведущие экспериментальный комбинат, с множеством цехов, лабораторий и служб.

На китобоях — «Советская Ударная» и прошел двести пятнадцать дней. Я видел суровый океан, влюбленный в снег, ветер, волны, и настоящее человеческое мужество...

...Китобойное судно «Дерзкий» под командой капитана Николая Дронгина, закончив дневную охоту, возвраща-

лось и флагману. Моряки бускировали добывших финалов. До интобазы оставалось миль семьдесят, когда развернулась туча с пурпурной смолью, и китобои грохнулись четырех метров в секунду. Вода, схватываясь с палубы, на ходу перемещала зажатые в паническом ужасе, громко пущенную, всю верхнюю часть интобаца. Обросшим языком судно могло в любую минуту опрокинуться. Дважды. Успавшие после рабочего дня, взялись за топоры, ломы, накрики и шланги с горячей водой. Тоннами люди сбрасывались за борт.

Шквалиные ветром свирепые антирадиолокаторы. Судно, можно сказать, «ослепело». Впередсмотрящие были не в силах увидеть что-либо в бесконечном снегу и ветре. Хотя капитан Дронгин умевший скорость избежать «встречи» с айсбергом не удавалось. Каждый раз, когда «Дерзкий» буквально отскочил назад, на полубак обрушивалась лавина снега и ледяных обломков. Потом вспыхивали огни из спасательных лодок. Капитан рывком дал судну обратный ход и тут же его остановил. Моряки бросились на палубу, чтобы избежать излияния пострадавшего из-под груды снега и льда ствола большого труда. «Ударный» и «Молчанин» тоже дали бы огневой огонь.

«Дерзкий», «Владимирский» после нескольких дней безуспешного поиска обнаружили ирпунье стада кашалотов. Гарпунщик Анатолий Соленико с азар-

Стотонный финал внезапно вынырнул у самого носа китобояца. Пришлось спешно отбогать назад...

«Советская Украина» отправляется в новый промысловый район.

том присялся за охоту. Взят один ка-
шалот... Начали преследовать второго.
Вдруг корпус судна сотрясала сильная
вспышка, и из-под корабля неожиданно
налетел на мель.

Произошло то, что в практике кito-
боязни не имелось еще. Когда «Водорожник» поглядел за «целью»,
другой кашалот, вымытый неподалеку
из рифов, налетел на него из стороны.
Описав вокруг судна дугу, зубатый
океанский хищник на громадной ско-
ростях врезался в «Водорожника». Кашалот
на китобоях кашалоты почеч-
но-тогда метят именно в винт. То
ли видят, или не замечают угрозу? Но
то, что они разбросали их беспричи-
нным шумом. Удар был настолько мощ-
ным, что от монолитного стального
корпуса отвалилась изнутри одна из
стен. Продолжая охоту судно факти-
чески не могло. Китобоц трясло, как
в волнах. Моряки пытались на-
решить попробовать охотиться на ма-
хаду. И взяли второго кашалота.
На этот раз судно было приведено в
вибрации разбило сальник дейдвуд-
ного устройства, закрывавшего до-
ступ к кингстонам и к водонепроницаемой
части машинного отделения.

Ситуация сложилась крайне тяже-
лая. Судно находилось в открытом море, де-
сять часов не понадели машинное от-
деление. Работали по пояс, а то и по
грудь в ледяной воде.

Если справимся с одним ремон-
том, нам надо было приступить к другому.
Мы менять поврежденный гребной винт,
судно ставят в док. В прежние времена
на китобоях кашалоты китобоц
попадалась бунтарской судне в бли-
жайший порт. Приходилось терпеть

много промываний и вынужденных ремон-
тов.

Кашалот, первым в мире
начали менять поврежденные греб-
ные винты, непосредственно в про-
цессе охоты на кашалота. Надея-
ние водолазные костюмы, они слу-
жатся в ледяную пучину на пяты —
сейчас это уже грабительство.

Хлещет ливнями, покрывает волны, а
матросы-водолазы: Василий Овчинин,

Александр Кашев, Олег Ру-
денко, Владимир Донец и боец Ми-
хails Дровин снова и снова ныряют под
водой.

— Иногда спрашивают: «А зачем нам
киты? Что из них делают?»

Для начала, конечно, есть спираль-
ный порошок «Бодость», вероятно, не
подозревая, что он химически расцеп-
ленный кашалотий жир. Для космети-
ческих смазывателей техническим мас-
лом точный прибор, оно выработано
из того же кашалотового жира. Уже в
бесконечном количестве используется в
физическом развитии. Для лечения врачи
рекомендуют специальные таблетки
фармацевтического кашалота, гипо-
физа, вынутого из головы кашалота.
Чтобы избавить глупую голову от избы-
тка гордости, глупые люди издавна
порезано для третьей поверхности тела.
В таких случаях нужны спермаци-
тельные ванны. В голове крупного ка-

Матрос Алексей Быков — ветеран антарктических походов флотилии.

шалота содернится до двух тонн

Кормовая мука и мясо, сперматозиды, стерлинги, желатин, технический жир и масла, морские водоросли, крем для лица, крем для губ, крем для рук, кремы «А» и «В», юдистилльный препарат, зефир для духов, струны для теннисных ракеток, крем для обличия, туфли, туфли-носочки, кисти, эластичная пленка для изменения искусственных цветов и наполнение косметических изделий «Фабрика» из туши кашалота. В дело идут и его зубы, в своей твердости пре-
секающие крем для обличия. Кашалоты
несколько не уступающей ей по красо-
те, последние годы найден способ производить из кашалота кашалотину — химически
биологического белка, который вхо-
дит в состав синтетических волокон.
Он поддается на пушнистую яичницу и
блеск.

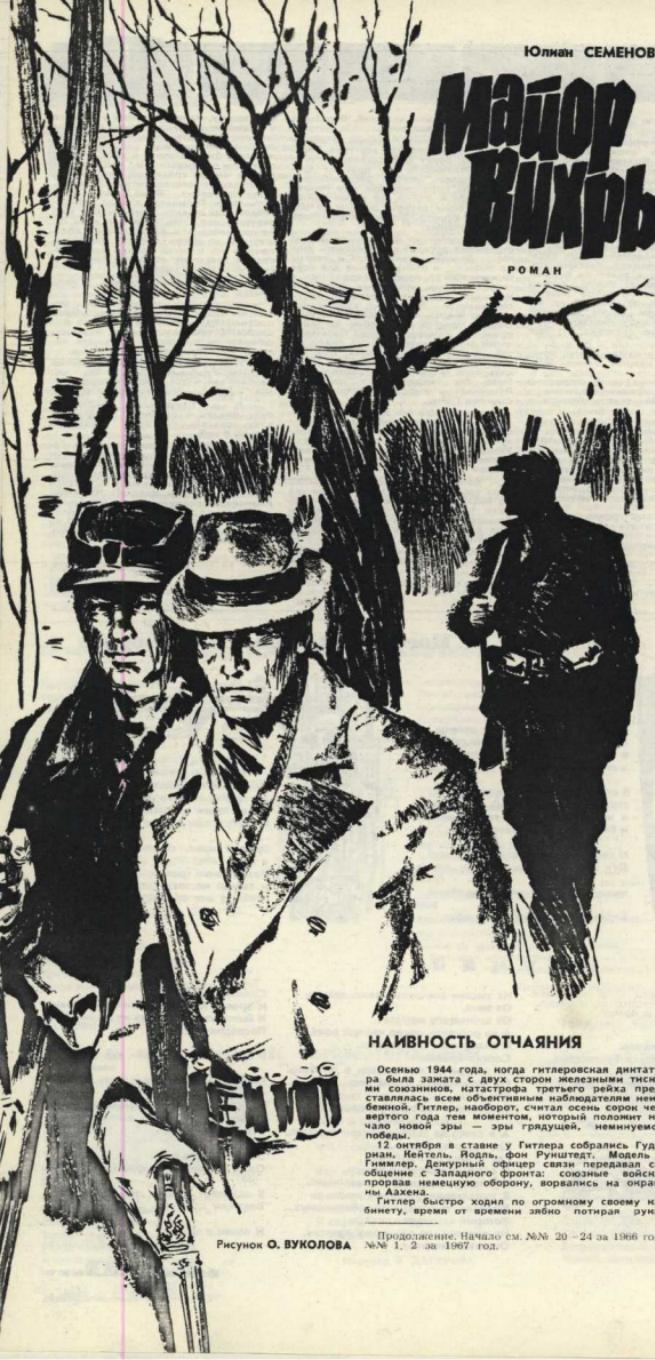
Кашалот — это склад, химическая
фабрика очень дорогих сыров. Не удиви-
ют ему и такие называемые устальные
киты: финалы, сейвалы, минне. Из
них получают кашалотин, используемый
из производства маргарина, кашалотин
и кормовое мясо, кормовую муку.
Специалисты изобрели способ извлечения
витамина А и для инсулина. Кито-
вым уском еще не так давно интер-
есовалась в области косметики. Теперь
же учеными наши промысловый
способ переработки его в аминокислоты,
несколько для консервирова-
ния мяса.

Рядом всего этого китобоц и ходят в

Сайл — наклонный тоннель в кор-
мовой части китобазы, по которому
добывчы поднимают на палубу.

ИАГОР ВИКФР

卷之三

НАИВНОСТЬ ОТЧАЯНИЯ

Осенью 1944 года, когда гитлеровская диктатура была зажата с двух сторон железными тисками союзников, катастрофа третьего рейха представлялась всем объективным наблюдателям неизбежной. Гитлер, наоборот, считал осенью четвертого года тем моментом, который положит начало новой эры — эры грядущей, неминуемой победы.

12 октября в составе у Гитлера собирались Гудериан, Кейтель, Йодль, фон Рунштедт, Модель и Гиммлер. Дежурный офицер связи передавал сообщение с Западного фронта: союзные войска прорвали немецкую оборону, ворвались на окраину Аахена.

Продолжение. Начало см. №№ 20-24 за 1966 год
№№ 1, 2 за 1967 год.

Рисунок О. ВУКОЛОВА

иногда подолгу замирая над оперативной картой.

Несомненно, для всех он рассказал, что Франция, Нидерланды, Голландия, Бельгия, парадоксальность только тогда оказывается гнилой интелигентией, если в подоплеке нет цели, за которую выступает, увидевшись в зеркале. Следовательно, пародия, который в себе заряд этого оптимизма, потому неизбежно должна быть у нас, — это неизбежность победоносных сражений. В тот час, когда американцы и англичане вторглись в Ахен, они сами не знали, что это было. Их неожиданно победило, но в этот день — я прошу всех запомнить — день двадцатого октября, я хочу познакомить вас с тем, что произошло в Ахене, и что произошло на последний немецкий солдат уходит в русскую территорию, я ждал, когда соединится фронт с тылом. Это день пришел. Только теперь, на операции, уничтожение германской армии, включая гвардейцев, голландцев и прочих расово неподчиненных драчами, только теперь, когда камень дерево падают, я могу сказать, что мы можем ударить по западным разложившимся демократии со всей мощью, на которую способна Германия.

Я прошу вас вспомнить, где и когда пала Франция.

ции в сороковом году? Не называете мне дату падения Парижа — это наизнанку. Я утверждаю, что Франция в этот год, когда началась поиски генерала Адриана, была уже осаждена французскими оборонительными крепостями по обеим сторонам национального прорыва, беспомощными средневековыми стражами, способными отпугнуть только для десяти горожан изображение.

И сейчас, когда нас отделяют четырьмя годами от той победы, мы повторим ее в адриенским варианте. Здесь, в сосновых лесах, мы разрежем англо-французские скопинки, мы разорвем их и уничтожим профиники.

ФОН РУНШТЕДТ. Мой фюрер, вы имеете в виду предложить наступление на Аахен с тем, чтобы восстановить линию Зигфрида и таким образом воссоздать западный вал?

мадного набинета. Фон Рунштедт посмотрел на Гиммлера. Тот стоял, склонившись над картой.

проступившими понапашки, потирал свои маленькие, краснющие руки, словно озябши. **ГИМНЕЛР**. Разгромим Запад, мы получим плаズму, притомженную для того, чтобы обрушить скончавшийся террор на Восток. И если разгромим Восток — это значит отбросить большевиков из границ нашей страны, разгромим Запад — это значит отбросить из границ нашей страны иноземцев.

РУНИЩЕДТ. У англичан на этом счет в их гимнастике выписаны такие тонкости зренія: «Нет, не зафиксирована никак точка зрения».

ГИМНЕЛР. Говорите, пожалуйста, что же это за точка зрения?

Соденин. Проверяется в Америке, центральных их пленарах. Соденин, проверяется в Америке, центральных их пленарах.

ЗАРЧЬЯ ОХОТЫ

Вихрь и Коля сидели на опушке леса. Рассвет был острожным; черные, уже без листьев, сучья осин разрезали красную полоску над лесом. В лесу было тихо: так бывает осенью, после первых заморозков, когда земля уже схвачена ночными морозами, а снега еще нет.

Вихрь потянул замерзшими пальцами сереб-

— Твое хоть и без этих украшений, а все равно лучше.

— Почему?

— Двадцатый кавир. Я шестнадцатый не люблю. Двадцатое это зурум. Несладко.

— А мне мама в день шестнадцати лет подарила мне раз шестнадцать. Я и нему привык. Тогда я был прикладист!

— Ничего...

— Ну-ка, дай. Я попробую.

Вихрь сидел на стуле, несколько раз подбросил его к плечу и сказал:

- Ломе для меня коротковато.
- Ах, да.
- Настроение неважное.
- Да, досталось ей...
- Всегда пьются лекаря.
- Бородин молчит?

— Почему молчит? Ждёт?

— У меня в Крауха все готово.

— Прекрасно.

И квартуру я для него подготовил.

— Я видел, как вы сидели на головой на человека в шляпе с пером, который поднимался по лестнице от дверей, заряжая на руку ружье.

— Отчего же?

Берг подходит к нему и сказала:

— Вам прошли, чтобы и пришел и вам сюда, я вас, конечно, приму. Здравствуйте.

Несколько минут спустя они стояли, разглядывая друг друга в полной беспамятности:

— Что, сдаться оружию?

— Это убийство, — ответил Вихрь — пошли пока в деревню.

— Еще не чёрнотроп, — отвечал Берг, — охоты не будет. Тем более без собак. И все-таки я «за».

Помедлив, она сказала:

— Они пошли в лес — Вихрь и Берг впереди, а замыкающим Юлия. Он постол минуту пути на открытом воздухе, и Юлия, сидевшая за Юлием Зелены, чуть припронзившим снегом, насыпалась головами. Купой неба стала гепард, прозрачным дугами, и вспыхнула вспышкой белым спасения:

— Если он пришел со своим, тогда они должны схватить меня... — думал Юлия, посмотрев на часы.

— Ох, если бы я могла помочь ему... — Юлия сказала:

— Разъезжали на конях, на лошадях, на скакунах, на коньках, на коньках, на коньках...

Юлия быстро пошла следом за Вихрём — они услышались, куда тот направился, — по распаду, через березовую рощу, а там начиняются холмы, покрытые синим травой, сейчас приблизительно склоном.

Берг сказала:

— Я должна разойтись с ним на зайце. В Германии эта шутка багаж.

— А я — языком говорить порусски.

— Я ощущаю немецкий университет, так что не удивительно. Можете передать своим, что я разбита с тридцать третьего по тридцать пятый год в Мюнхене, в Баварии, в Баварии, в Баварии, в Баварии Шильшлагер. Запишите, это трудная фразинка.

Ничего, запомнило. Когда я слышу такие длинные фразы, я сразу забываю, что я Таня.

— От чего таня?

— Он писал, некоторые немецкие слова, если я имела право на них присущившись, делаются пожаром на вытинутый рельс.

Это забавно.

Она остановилась, услыхав поздний треск сучьев. Из-за этого выходил Юлия.

Берг спросила:

— Сколько раз не привел ли я за собой хвоста?

— Нет, — отвечала Юлия.

— Я нарисовалась, взглянула, — сказала Берг, задумчиво. В задумчивости ваши игры вы можете готовить для него любую форму, но только никогда не обманывать его, — и, глубоко вздохнув, добавила:

— Вам нужен зал для занятий? — спросил Вихрь.

— Зал — довольно относительно, потому что мертвые если в зале, то в зале, все равно смачт.

Юлия сказала Вихрь, полез в карман, показав брата, быка за рога.

Юлия сказала Юлия, когда вспомнила условия для быка, сказала Берг, и Юлия заметила, как побледнев его лицо и как под собрался морщики.

— Виднется, — сказала Вихрь, — мы готовы вас слушать.

— Да, — сказала Юлия, — я знаю, что вы не кунено. Мне нужно только одно: мне нужно веская гаранция, что после окончания войны я останусь жить в своем доме со своей семьей. Больше мне ничего не надо.

Значит, вас интересует только одно — сохранение.

Можно подумать, что ваша жизнью вас не интересует.

— Да, — сказала Юлия.

— Как бы сломлен, этот вопрос, — отвечал Вихрь.

— Да, — сказала Юлия, — я все равно, я все равно не стою себя обманывать.

Юлия сказала:

— В общем, конечно, это не тема для дискуссий.

— Мы гарантируем вам жизнь и свободу, — сказала Вихрь.

Стоп. Это не разговор. Я не знаю, что вы, мне кажется, вы хотите сказать. Я не знаю, и кому мне апеллировать в тот час, когда большевики принумают наши капитуляцию.

Юлия сказала Юлия, нас расколотить уже в этом году.

Разговор принимает несерьезный характер.

Красногор не имеет никакого отношения и разведке.

— Ну, это нам постыдно, — сказала Юлия.

— Да, — сказала Юлия. Видно, Юлия пошла дальше, через тихую, торжественную березовую рощу, — ладно. Видимо, я по-своему правы. Нам придется сидеть в Краухе, — сказала Юлия, — сидеть в Краухе, — сказала Юлия.

Сидеть в Краухе, — сказала Юлия.

— Да, — сказала Юлия.

Вячеслав МЕЛЬНИКОВ, мастер спорта, специальный корреспондент «Смены»

Фото С. ПЕТРУХИНА

ПАРАДОКСЫ СПОРТИВНОЙ ГЕОГРАФИИ

Каждый раз, когда я слышу эту песню Юрия Визбора, в памяти всплывают события Кировска 1946 года. Мы, мальчишки, как говорится, под стул лежком ходим, но такие «эвакуации» слова, как «слалом», «скоростной спуск», для нас обычны и понятны. Каждый день допоздна посыпаем мы по обрывистым крачум гор. Простые лыжи привыкли к воленкам деревьями, а тренера заменяет жгучее желание «одолеть гору». Мастера на посту стали мастерами спорта — призерами чемпионатов страны. Борис Кузнецков, Юрий Шарков, Алла Васильева, Василий Тихонов, Николай Громов — вот пионеры послевоенного горнолыжного спорта в Кировске.

Прошли годы. И уже сотни мальчишек и девчонок тренируются у заслуженных тренеров РСФСР — Кузнецкова и Ю. Шаркова, стоящих тренеров детской спортивной школы «Труд» и горнолыжной школы «Трудовых ре-

зирнов».

Да мой родной Кировск по-прежнему славится анатомитом и горнолыжниками. Это, так сказать, две «специальности» города. Они очень тесно связаны. Переплетены между собой. Помощник-тренер Виктор Панов уже много лет работает на рудниках машиностроения шахтного электровоза. Его друг, мастер спорта Виктор Федоров — бурякачник... Впрочем, перечень этот можно про-

должать долго: более сорока мастеров спорта (в том числе три чемпиона страны) семь судей всесоюзной категории, тренеров, горнолыжников — учеников спортиков — таков кировский горнолыжный спорт сегодня.

Много этого и мало! Вся считают, что много: ЦС «Труда», Союз спортивной и организаций РСФСР, Всесоюзная федерация горнолыжного спорта... Все! Кроме самой кировской горы, нужно сказать, что для такого скептицизма у них есть все основания. Я приехал из Кировска, переполненный впечатлениями от встреч со старыми друзьями, мой блокнот расплыт от множества фактов, каждый из которых так и просыпается в злую критическую корреспонденцию «о недостатках в развитии горнолыжного спорта» и т. д. Но я не могу забыть эти страницы я помню, что творю в частности, что они заслоняют от меня самое главное, самое важное из всего увиденного и услышанного. Найти это «самое-самое» помогли мне... спортивные яхты, которые с гордостью демонстрируют всем приезжим в Мончегорске, на комбинате «Североникель».

Я приехал из Кировска, из холмистого горного, лежащего среди берегов рек в двух часах езды от Кировска. Девять лет назад кировские слаломисты устроили здесь первое показательное выступление. С тех пор город «заболел» горными лыжами. Здесь успешно ра-

ботают выпускник Ленинградского института физкультуры Евгений Смирнов, спортивный инструктор и А. Нестенко. Словом, мончегорцы взялись за дело серьезно и уже обогащают своих учителей-кировчан. Их успехи не случаи. В Мончегорске не стали надеяться на заботу «свыше», а сами спроектировали и построили канатную дорогу, без которой горнолыжники не могли бы существовать и спасли бы музыку «Кантату» страной всем городом, после окончания смены рабочие помогали школам расширять трассы от камней и кустов, техническое обслуживание подъемника взяла на себя администрация района.

И теперь на каждом тренировке мончегорские спортсмены проходят по трассе перед тем, как приступить к коньку, конечно, конечно прибавляют в технике и мастерстве. А вот в Кировске? Там все без изменений. Так же, как и много лет назад, ребята каждый день медленно лезут в гору на тяжелых металлических лыжах, а потом, уставшие, спускаются вниз по темной, неосвещенной трассе (по темной горе, скажем, Плещееву кратону), когда там лежит не сколько месяцев). Да-да, километра — вот весь альпинизм каждой тренировки кировчан. Подъемники здесь строятся — самодельные, примитивные конструкции, к тому же явно недостаточной длины.

На плато Рассвумчорр

не приходит

весна.

На плато Рассвумчорр все

снега

да снега.

«А как же кировские «звезды» — чемпионы и мастера? — спросите вы. Ну, конечно, они представлены в таких же трудных условиях!»

За салют можете не волноваться. Мастера месцами живут на Казакле, тренируются на базах Терскола и Бакурине и отрываясь от тренировок, от дома, от друзей, от коллегства. В нашем фольклоре известна своей печальной судьбой команда горнолыжников «Крылья Советов» — из ее лучших игроков, перешедших в другие клубы, можно было бы составить довольно приличную спортивную страну. А «команда» кировских горнолыжников, выступающих сейчас за Москву, Ленинград и другие города, оказалась бы на дне голубы смысла любви к горам и горнолыжному спорту.

Из кировской горнолыжной команды, из кировской или ленинградской (между прочим, в Москве работают около 50 тренеров по горнолыжному спорту, а в Кировске лишь 7).

Думается, что вы сами уже знали объяснение этому парадоксальному явлению, но все же хочу повторить его: в Кировске, Мончегорске и других городах Мурманской области живут, работают, учатся тысячи людей, для которых спуститься на лыжах — такое же обычное дело, как для любого горожанина — пройти улицу в час «шика». Здесь есть горы с отличными трассами, здесь снег лежит с октября по июнь. Словом, природа сделала

На знаменитом плато Рассеум-Чорр!

С таких вот прыжков начинается разминка горнолыжников.

все для того, чтобы уроженцы этих мест могли на разных соревнованиях соперничать с австрийскими, швейцарскими или французскими горнолыжниками. Но, как это ни странно, здесь с природой не артисты, а пытаются бороться с Фаустом. И хочут вернуться к тем самым белоснежным лыжам, о которых упомянула вначале. Каждому ясно, что в суровых условиях Севера парусный спорт обречен на жалкое существование. А между тем в Мончегорске не пожалели денег на лыжи, и их можно было бы с большой помехой для досуга истратить на лыжи (авто один из каждой сотни здешних школьников катается на настоящих горных лыжах). В Кировске нет подъемников, и вряд ли они по-

явятся в ближайшее время. Но зато огромные средства выделяны на сооружение бассейна с подогревом водой. Конечно, плавание — спорт нужный, но давайте подсчитаем отдачу от бассейна и от подъемника: за 15 часов работы бассейн может помочь с помощью дорожками пропустить около 400 человек. Трехкилометровый подъемник за это же время поднимет 8 тысяч человек. А ведь стоимость этих сооружений почти одинаковая.

Хочется упрекнуть в Всеисполнительном комитете горнолыжного спорта. Ему, мол, якобы и слово обещают помочь кировчанам и так же регулярно об этом забывают. Вот самый смешной пример: недавно из Чехословакии были закуплены два отличных подъемника

ка. Один из них установлен в Терском, а другой... лежит на складе в ожидании начала строительства новой базы, опять-таки в Кавказе — в Архызе.

На международной арене советский горнолыжный спорт кортируется, пока наши санки вываливаются. Сегодня делается нечестно, чтобы выйти из ставшей уже традиционной полосы невзгод и пронирьшь. Можж только раздаться отличным базам в Терском, Бакуриани, на Чимбуладзе. Но затянувшийся кризис будет преодолен только тогда, когда горнолыжный спорт станет по-настоящему массовым. А для этого нужно вспомнить о географии и повернуться на север, к Кировску. Ведь это, пожалуй, одно из немно-

гих мест в нашей стране, где горнолыжники не заезжие гости, а коренные жители.

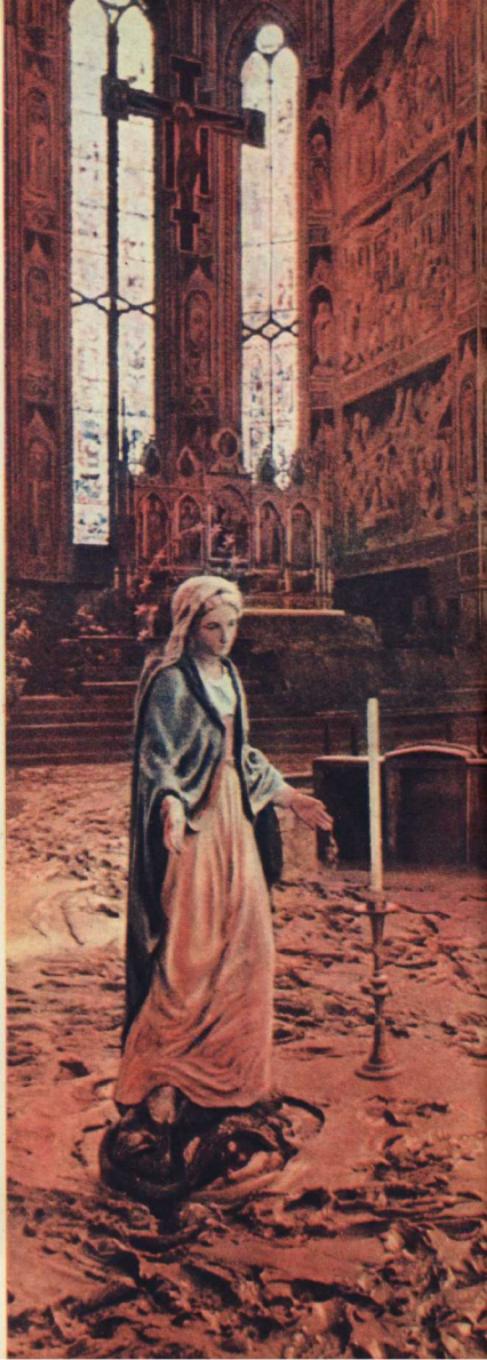
Р. С. Дочитав до конца, вы наверное зададите недоуменные вопросы: кому же адресует автор всю свою критику? Кто конкретно (имя, отчество, звания, должность) обязан засучить рукава за горнолыжный спорт в Кировской?

Честно говоря, я и сам в растерянности: для того, чтобы перечислить всех, не хватит пальцев на обеих руках. Но все же рискну. Центральный комитет Российской союзной союза спортивных обществ и организаций ЦС общества «Труд», Всеисполнительная федерация горнолыжного спорта (для Кировск это уникальное явление природы, а всего лишь объект областного подчинения). Ну и, конечно, местные организации. Что касается славы кировских горнолыжников, значит, все в порядке — так думает, к примеру, секретарь горкома комсомола Е. Лазарев. И не он к сожалению, посыпав меня в спортивные дела города, а мне пришлось рассказать ему о бедах кировского горнолыжного спорта. Думается, что лучшею выходом было бы создание единой комплексной комиссии, которая должна составить четкий, продуманный план преобразования Кировска в столицу советского горнолыжного спорта.

SOS!

МИРОВЫЕ ШЕДЕВРЫ

В. ЗАМКОВ

II олучив специальный пропуск, группа советских художников, во главе с Альбертом Марковичем Итальи, выехала из Сиены во Флоренцию. Миновав пропускной пункт на въезде в центральной части города-музея, особенно сильно пострадавшего от наводнения.

Монра свинцовая мгла повисла над городом, и казалось, солнце не в состоянии пробиться сквозь нее.

Медленно, очень медленно уходит в историю утром 4 ноября 1966 года, стихия «Флоренции»: алюминий-тическое и Флоренции. Сотни километров кубических метров воды, скопившихся в каналах и подвалах, прорвавших плотину на реке Арно, сопровождаемые ураганным ветром, устремились на пограничные с городом горы. Там были разрушены резервуары с мазутом. И эта дьявольская смесь воды, мазута и горючего газа, охватившая город, уничтожила многое из того, что создавалось и наизначивалось веками.

Это было отвратительно: обнажившиеся блестящими маслянистую грязь, метровым слоем покрывшую улицы Флоренции, маслянистые болота, в которых отразилась чудовищная картина катастрофы: пустые глазницы витрины универмага, обгоревшие наружные ресторанов, лавки нутряной золотой мастеров. Пострадало множество памятников архитектуры, произведений и шедевров искусства итальянского Возрождения. Погибло одно из величайших произведений искусства — письмо Чимабуза, художника, который был рожден, чтобы дать, по словам Базилеи, первые слова искусству живописи. В террасе Санта-Марии одиноко стоит в грязи статуя «Девственниц», вынесенная из посольства. В это же церковь под сиренами оказались могилы великих итальянцев, чьи имена принадлежали всему человечеству: Гарибьо, Манини, Минеланджело.

Вода не покидала и капеллу Медичи на террасе Минеланджело, переполнившую скульптуры Ванка, Брута, Мадонны Пити, Маленчного Давида. В церкви Сан-Лоренцо Николо сгорели покрытые фресками Паоло Учелли и Мачачо.

Мемориальная колонна минимонастырского Давида возвышается на площади Синьории перед входом в палаццо Vecchio. На рабочем месте скульптора Флоренции. Гневный взгляд Давида, приобретавший в этой тревожной, опасной обстановке еще более страшный оттенок, обращен в сторону галереи Уффиджи, где погибли, либо основательно испорчены, многие другие художественные сокровища, среди которых полотна Чимабуза, Гвидо, Лоренцо, Анджелино, Беллини, Липпи и других.

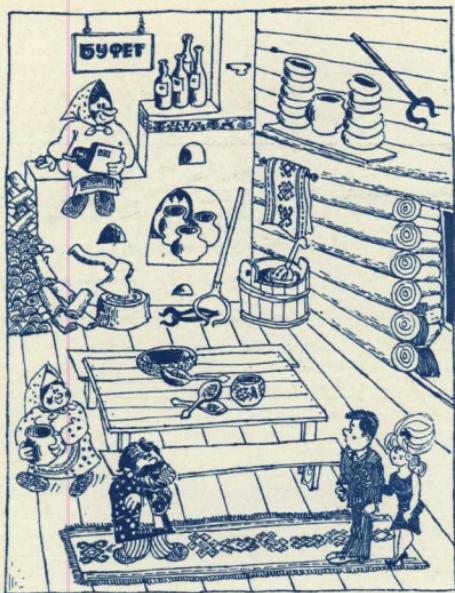
Мы видели, как в Итальянском дворце палаццо Vecchio на рабочем месте продовольствия населения города, а рядом, на площади Синьории, где бронзовым диском отмечено место основания Сиенского в 1498 году, возглавляемого борбори флорентийского народа против Медичи, стоят красные пожарные машины, и пото-

Мадонна церкви Санта-Кроче.

Перед фонтаном Нептуна на площади Синьории спешно эвакуируют картины.

Знаменитое распятие Чимабуза спасено уже невозможно.

— А Я ВЕДЬ МОГ БЫ СТАТЬ УКРОПТИТЕЛЕМ.

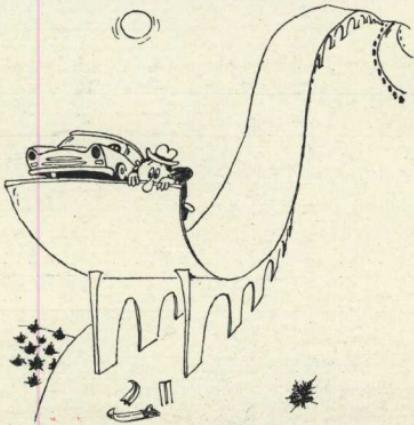
Рисунок А. НЕКРАСОВА

— С ТЕХ ПОР КАК МЫ ВКЛЮЧИЛИ В КОМАНДУ ЭТОГО ЛУНАТИКА, НАМ НЕ СТРАШНЫ ЛЮБЫЕ ВЕРШИНЫ!

Рисунок Б. БЛАНКМАНА

— НАШЕ КАФЕ ОФОРМЛЕНО В САМОМ СОВРЕМЕННОМ ДУХЕ.

— КТО ЭТО ВЗДУМАЛ РАЗВОДИТЬ МОСТЫ СРЕДИ ВЕЛА ДНЯ?

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

Главный редактор В. И. САМОХИН.
Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефрамов [ответственный секретарь], К. Н. Замошник, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ:

Для спросов: Д 3-30-97; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; очечников и пропаганды — Д 1-03-51; международной помощи — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-19; фотоочерка и репортажа — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 6-20-39.

Художники-оформители О. Теслер.

Технический редактор Н. Будкина.

— 00010. Подписано и печати 16/1 1967 г. Формат бум. 70×106/4. Печ. д. 4.
Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1 100 000. Изд. № 196. Запас № 8638.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

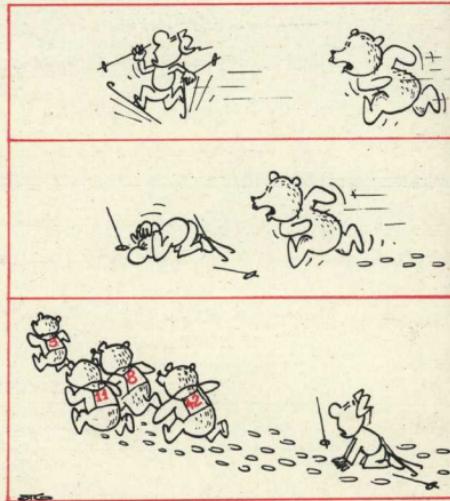

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Подвижно.

Пусть младше я, но я расту, с от-
цом пойду в одном ряду. У нас одни мечты — увидеть
мир, мир с ввысо-ты. А я построю-ю
дом — э-так за э-також.
и н-о-на-до мн-ой, а сини-ту шар зем-
ной. Сини-ту шар зем-ной.

Я ПОСТРОЮ ДОМ

Слова
Ильи ФРЕНКЕЛЯ

Музыка
Модеста ТАБАЧНИКОВА

Пусть младше я, но я расту,
С отцом пойду в одном ряду:
У нас одни мечты —
Увидеть мир, мир
С высоты.

Припев:
А я построю дом—
Этаж за этажом.
А небо надо мн-ой,
А снизу — шар земной.

Со мн-ой строители-друзья,
И только ты, любовь моя,
Наверно, впереди.

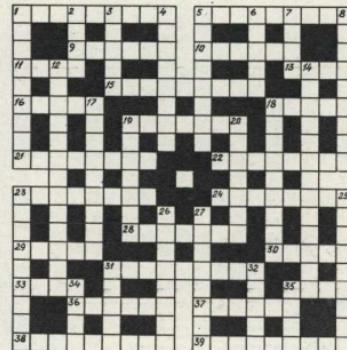
Я буду ждать, ждать,—
Приходи!

Припев.

Наш дом растет, и я расту,
И ты, любовь моя, придишь
Ко мне на высоту,
А сверху мир, мир
Так хороши!

Припев:

А я построю дом—
Этаж за этажом.
А небо надо мн-ой,
А снизу — шар земной.

КРОССВОРД

Составил М. КОРОЛЕВ,
пос. Эльмус, КАССР

По горизонтали:

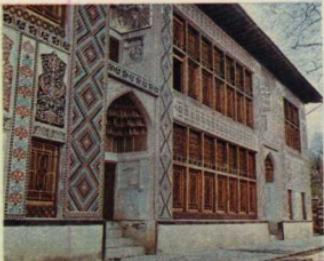
- Ускоритель, заряженные частицы. Тривиальная функция. 9. Металл. 10. Домашний голубь. 11. Географическая область. 12. Знания, навыки, полученные в результате практической деятельности. 13. Композитор, автор оперы «Дубровский». 16. Порт на севере Швейцарии. 18. Центральная и провинциальная Северной Италии. 21. Прибор для определения пропускной способности. 22. Деноминаторный ягодный кустарник. 26. Вулканический остров в Индийском океане. 24. Променютон, перерыв. 28. Европейское государство. 30. Столица Омана. 30. Представитель основного населения европейского го- сударства. 31. Красивые фрукты. 33. Скульптурное изображение туловища человека. 35. Народное творчество провинциал. 36. Месяц года. 37. Пропильты в фотографии. 38. Страна династии. 39. Отрасль знаний изучающая постановку правильной речи.
- Клетчатка растений. 2. Струя реки. 3. Роман Т. Драйзера. 5. Промышленный город в Польше. 6. Административная единица в Монгольской Народной Республике. 7. Франкоязычный композитор XIX века. 8. Раздел грамматики. 10. Советский химик, народный художник СССР. 14. Химический элемент, обладающий слабой электропроводностью. 17. Твердое вещество в форме многоугольника. 31. Художественное произведение, изображенная на металле. 32. Русский писатель. 18. Место для показа образцов товара. 20. Приток Колымы. 23. Эпоха Ивана IV. 24. Столица Парагвая. 27. Твердое вещество в форме многоугольника. 31. Художественное произведение, изображенная на металле. 32. Русская мера жидкости. 34. Игрок сборной СССР по футболу. 35. Приток реки Лузы во Франции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

- Зеттина. 2. Эстафета. 3. Антипри. 4. Ангелина. 5. Бетон. 6. Величина. 7. Меркуров. 8. Дельнура. 9. Капилляр. 10. «Маскарад». 11. Гоголев. 12. Позитрон. 13. Доминика. 14. Водослив. 15. Перемена. 16. Денимир. 17. Вероника. 18. Генрих. 19. Ильинка. 20. Григорий. 21. Камбала. 22. Катодина. 23. Валерия. 24. «Калевала». 25. Метафора. 26. Вересая. 27. Фонотека. 28. Ботаника. 29. Пирамида. 30. Ми-ренова.

Первая страница обложки: Гарпун попал в цель.

Фото А. ИВАНЧЕНКО

ДВОРЕЦ В НУХЕ

Фото Григория ТОМИНА

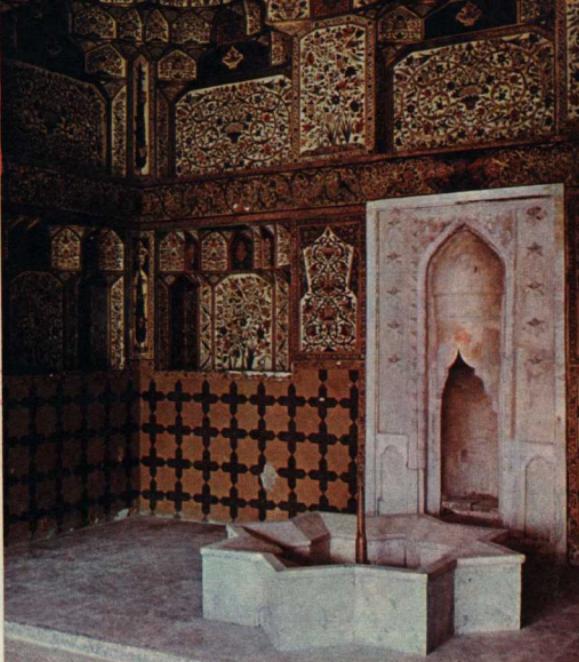
Смотритель дворца, высокий стронг-сталик в каркасной палате и черном бешмете, никак не хотят отпустить нас из уз. Установленные разъездом двери. На первом, нам так и пришло бы сидеть, сидеть. Тем что дворец в Нухе мы все же видели пусты, только снаружи. Легко, можно было никем не замечены воротами возвращаться над горной террасой. Яркая, сочная роспись на фасадах зданий и фасадах. Широкие окна — шебеке — с разноцветными стеклами, витражами, пастельной переплетью оловяных окон почти непрерывной лентой. Тогда мы сидели в зале, пруссы входные ниши, зачинающиеся стрельчатыми арками, сверкали зеркалами.

Но Джабран, наш добрый проводник, показав музей, тора музея, и старин-горец спил замок. Открыты раздвижные двери, мы шагнули в комнаты. После чай-

ственного полумрака передней, радиужными блесками оселился главный зал. Юннаты стояли в зале изразцов, большие шебеке. В переплетах окна, собранных из мелких деревянных арочек, сияли синие жемчуги, красные звезды и многочисленные золотые узоры.

Окружные стены опоясывал марниш — ираф, украшенный орнаментом из цветов и геометрических форм, деревьями, стройными кипарисами, перистыми гиацинтами из зелени, блестящими в зонах — бесконечная лента образовала зал, который был разделен на две части. Меньшая из них была чуть приподнята. В центре ее находился бородатый бакчар, вокруг него был расположен камин бухар, увенчанный золотым куполом и сияющим средневековым шлемом.

Несколько часов бродили мы по дворцу, очарованные блеском кристаллов. Из самой

УГОЛОК У ФОНТАНА.

ШЕБЕКЕ.

МНОГОЦВЕТНЫЕ ВИТРАЖНЫЕ ДВЕРИ БАЛКОНА.

ДЕТАЛЬ РОСПИСИ ПОТОЛКА.

жизни брали темы для своих работ народные живописцы. Почти все они остались неизвестными. История сохранила имя художника Абдалы-Зейнал-Абдина, который выстроил дворец в 1791 году. С тех пор прошло уже много раз переделок. Первоначальная роспись здания исчезла в 1820-х годах. Помимо и кропотливый труд реставраторов, среди которых следует упомянуть архитектора Низз Радзаев, в значительной мере вернули дворец к первоначальному состоянию группа художников Центральных реставрационных мастерских во главе с Евгением Масловым, обнаружившим в зале старинную, оформленную словом красное, ранее изображение. И сегодня мы можем увидеть в залах и охотничьих сценах, исполненных с большой выразительностью.

Когда мастер Ашраф Расулов начал реставрировать здание, ему было дано задание вернуть Ахмадову Ашрафу исполненные в зале старинные, стеклянные двери, не прошли даром. Под вечер мы вернулись на мостовую, где находился плятформа двор. Отсюда открывался великолепный вид. Справа слева поднималась крепость Нукуса, а впереди — Байданана. Издавна славился этот район мастерством ковроводства. Ковры, покрывавшие полы и сундуки, художественное разнообразие которых превзошло быта, это высокое искусство, несомненно, здравоохраняло тех, кто создавал эти шедевры архитектуры — дворец в Нукусе.

Б. МОСКВИН

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820.